

1678А

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА и МЫШЛЕНИЯ имени Н. Я. МАРРА

Т 46
22

Т 46
22

ПАМЯТИ

~~АКАДЕМИКА~~

Н. Я. МАРРА

(1864—1934)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1938 • ЛЕНИНГРАД

А. БЕРНШТАМ

О древнейших следах джекаания в тюркских языках Средней Азии

Происхождение народа, т. е. вопросы этногенеза, тесно связано с проблемой сложения языка. Не случайно так неразрывна у Н. Я. Марра постановка вопросов образования народов (этногенез) и развития языков.¹

Язык и его формирование связаны с образованием народа. Особенности исторического развития определяют и особенности языкотворческого процесса и формирования отдельных диалектов и наречий. Возникновение народа связано с периодом сложения государства. Здесь с формированием классовых отношений создаются условия для возникновения высшей формы языка — литературного языка первоначально господствующего класса, впитывающего наречия и диалекты племен, составляющих новое этническое образование — народ — и, конечно, далеко не исчерпывающего всего их языкового богатства. Дальнейшее развитие литературного языка, естественно, не ограничено только средой имущих классов.

В силу конкретных исторических условий проявляется возможность языку одного из племен, вернее диалекту или даже наречию, занять ведущее значение. Конкретные своеобразия, часто почти неуловимые и с трудом прослеживаемые исследователем, влияют и определяют особенности отдельных языков. К таким особенностям, трудно уловимым, относится вопрос об истории разделения тюркских языков на так наз. джекающие и йокающие группы. К первой группе относятся, на ряду с киргизским, отчасти узбекский и казахский языки и др.

Так как на территории Средней Азии к джекающим² языкам относится в частности язык казахский, то естественно возникает вопрос о древнейших элементах этого языка, ибо история языка показывает, в частности, путь этнического формирования некоторых среднеазиатских тюркских наро-

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, ГАИМК и АН, Л., 1936.

² По отношению к казахскому языку следует лучше употреблять термин «джекающий», а не «джекающий». Поэтому мы, говоря о древних формах, употребляем определение «джекающий», а затрагивая казахский язык, — «жекающий».

дов, в том числе и казахов. Настоящая заметка посвящена небольшому вопросу — обратить внимание на жекающие формы языка для западно-тюркского каганата VI—VIII вв. Западно-тюркский каганат, занимавший территорию в частности и Южного Казахстана, был в известной политической оторванности от восточного дома тюрков. Несмотря на ряд попыток со стороны восточных (монгольских) тюрков подчинить себе западных тюрков, последние сравнительно мало были связаны с восточным домом, часто выступая открытыми их противниками. Возможно, что этнически они также были отличны. Для выяснения последнего вопроса огромную роль имеют свидетельства языка. Как бы их мало ни было, они достойны особого внимания. Мы попытаемся показать отличия в произношении (и написании) двух терминов из западного и восточного домов тюрков, отражающих йокающий (восточный) и жекающий (западный) диалекты тюркского языка. Речь идет о терминах *joγ* и *jabγu*.

Наличие жекающих форм в древнетюркских языках уже отмечалось в литературе. Наиболее отчетливо поставил этот вопрос Н. Поппе. Так, он писал, что звук *у в ранние периоды заменен звуками 'd и j. Таковы, например, названия реки Урал у Менадра ('*dauiq* или *'*jauiq*), титул ябгу у тохаристанских тюрков VII в. хр. эры (*dabγuua или *'*jabγuua*). К таким языкам, у которых вместо у стоит 'd или j, принадлежат киргизский, шорский, сагайский, древнеякутский и болгарский языки.¹

Таким образом Н. Поппе определенно высказался за принадлежность этих двух форм к жекающему диалекту. В сноске он отмечает еще и третье слово «уоу», которое нашло свое отражение в форме *δoux* у Менадра.²

Ниже мы попытаемся проверить и подкрепить это положение о наличии на территории, главным образом, древнего Казахстана и Киргизии тюркских племен с жекающими диалектами, отразившихся в немногих словах, дошедших до нас в передаче греческого, армянского, арабского, персидского и китайского языков — в исторических источниках. Эти немногочисленные факты интересны уже потому, что устанавливают древнейшую

¹ N. Poppe. *Altisch und Vortürkisch. Ungarische Jahrbücher*, Bd. VI, H. 1—2 1926, S. 1—2.

² В литературе отмечалось наличие у древних авторов жекающих форм, правда без каких-либо особых заключений. См., напр., указание Н. И. Ашмарина на древние формы *Δαξ* у Птолемея и *Δαξ* у Менадра, которые соответствуют тюркским *Јајык* или *Дайык* (см. его «Булгары и Чуваши», Казань, 1902, стр. 4). В качестве исторического примера перехода *d' > j* приводит J. Marquart слова *δoux*, сравнивая с древнетюркским *joγ* и географический термин *Δαξ* (См. J. Marquart, *Kultur und sprachgeschichtliche Analecten Ungarische Jahrbücher*, IX, стр. 81—82). Об этом же см. у W. Barthold, *12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens*, Deutsche Bearbeitung von Theodor Menzel, *Die Welt des Islams*, Bd. 14, 1932, стр. 31.

дату формирования джекающих диалектов, т. е., в частности, жекающих казахского языка.

Перейдем к разбору термина joγ.

Описывая похоронный обряд у тюрок в связи со смертью западно-тюркского кагана, Земарх, византийский посол, прибывший к тюркам в конце VI в. (568 г.), назвал всю церемонию термином *δοχια*. Приведенный Менадром этот термин имеет для нас особый интерес. Под этим термином скрывается тюркский термин joγ, обозначающий в древнетюркском языке похоронную процессию. В древнетюркском языке княжеских памятников Монголии мы имеем неоднократно упоминание этой формы. Примеры следующие:

: ΓΚΓ :)»»δ : ΥΥΕΞ : ΕΥΝΚ : Ψ . . . . .)»»D [: ΗΓΨδ]

. ΓΚΥΓ 4D

t^āxⁱn : joγ^yn . . . š : türk : b^āgl^ār : budⁿ u ty : j^ār . . . . . ^ārti.¹

: *ΚΥΝΚΥ : ΨD : ΓΗΗδ> : ΓΚΓ : DΞΓΞ : ΓΓ : ΗΓΗΨ

l^āγzin : jyl : bäsⁱnč^ā j : jäti : ot^uzqa : joγ : ^ārtürtⁱm : ²

: (?) ΗΕΓΚΓΥδ : ΕΥ) : >ΨΓ : ΨΨΥΓΞ : ΓΥΥδ

: Η*ΚΥΝΥΓ . . . . . ΓΨΨD

Toḡra : bir oγ^ūš : ^ālp^āγu : on ^ārⁱg : Toḡa t^āgⁱz (?) : joγynda : [ägⁱrⁱp . . öl^ūrt^ūmⁱz.³

: ΨΥΥΓ : ΨD : ΓΚΥΝΥΞ : ΗΓΕΥΞ : Ι*ΝΞ :)>δ

: ΓΥΝΥΞ : ΛΥΓ :)ΨΓ : ΓΚΥΓΞ : ΓΓΓΚ : ΓΥΝΥΞ

^āltun küm^ūš : k^ārg^āksⁱz : k^ālürti : joγ : j^yp^āryγ : k^ālürⁱp : tikä : bärti : čyndan uγ^āč k^ālür^ūp : ⁴

. . . . ΓΧΚΗΓDδ ΓΨDΓ : ΓΚΥΙ*Υ>δD :)>δH

Q^ātun : j^oq bolm^yš ^ārti : ^āny joγl^āt^ājin t^ādi . . . ⁵

Из приведенных примеров следует, что под термином «joγ» надо понимать похоронный ритуал в связи со смертью кагана. Переданная Менадром

¹ В. Радлов и П. Мелиоранский. Древне-тюркские памятники в Кошо-Цай-даме, Сборник Трудов Орхонской экспедиции, IV, СПб., 1897, стр. 37.

² Ук. соч., стр. 34.

³ Ук. соч., стр. 33.

⁴ Ук. соч., стр. 35.

⁵ W. Radloff, ATIM, Zweite Folge, S. 16.

дром форма $\delta\acute{o}\chi[\alpha]$ есть слово «jоу», повидимому в джекающей форме. Это явление отмечалось уже неоднократно, как мы выше показали. Вряд ли необходимо доказывать, что язык орхонских надписей был языком йокающим и что поэтому буква **D** передает звук j, а не ž. Достаточно указать на слова типа **D** — «луна» в такой форме, как **DHND** = kün aj, **YDND**, **AD** и т. д., где наличие этой буквы в середине и в конце слова доказывает как будто невозможность ее произношения как аффриката ž. Таким образом **YD** следует транскрибировать «jоу», и термин **YDND**, который мы будем ниже разбирать, следует транскрибировать «jabu».

Так как греки могли в случае начального j в слове «jоу» передать его графемами своего языка, то передача начального согласной дельтой является, повидимому, не ошибкой, а закономерностью в виду иного согласного вначале слова. Это был, вероятно, аффрикат ž, который получили в качестве эквивалента δ в слове « $\delta\acute{o}\chi$ ».

В закономерности замены начального j-d или ž убеждают нас не только эти примеры, но и немногие другие, которые, несмотря на малочисленность, очень убедительны и как будто не знают исключений. Примеры эти связаны с термином ябгу, на который в туркологической литературе меньше всего обращали внимания.

Термин ябгу засвидетельствован и в армянских источниках, например у Моисея Каганкатуйского. Так, он сообщает, что «в несчастный год умерщвления Хосрова, тот, о котором мы выше упомянули, Джебу ха кан, выступил с сыном своим. Никто не мог сосчитать числа войск его».¹ Сын Джебу хакана был некий Шат. Шат в разговоре с католикосом говорит: «Я поклянусь тебе жизнью отца моего, Джебу хагана».² Туркологу нетрудно заметить в этих так наз. собственных именах два известных тюркских титула — ябгу и шад. На это в свое время указал Ed. Chavannes, попытавшийся отождествить Джебу хагана с Тун-шеху.³

Нас сейчас интересует вопрос не исторический, а лингвистический. Форма Джебу указывает на дентальный аффрикат ž в слове «ябгу», т. е. в армянском источнике дана диалектическая разновидность термина ябгу. Характерно, что это не случайное отражение «инострannого» слова в армянском источнике, ибо, во-первых, этот термин встречается и в данном источнике — «Истории Агван» — неоднократно и, во-вторых, этот термин наблюдается и в других источниках в той же характерной форме, или

¹ История Агван, пер. К. Патканова, 1861, стр. 104.

² Там же, стр. 127.

³ Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, СПб., 1903, стр. 253 сл.

в известных отклонениях. Отклонения во всяком случае остаются в плане различной передачи начального аффриката. Мы имеем в виду, например, форму Тчепетух или Джембу у Себеоса.¹

Учитывая, что в древнеармянском языке имелись все возможности для передачи начального j^2 и то, что в йокающей форме термин «ябгу» в источниках о западном каганате нигде не сохранился, можно утверждать, что форма «Джембу» — закономерная передача известного термина социального порядка из джекающей языковой среды.

Не случайным поэтому является и передача термина «ябгу» в арабских источниках. В арабском языке термин ябгу фигурирует опять-таки как термин джекающий, а не йокающий. В. Бартольд по этому поводу писал: «Bei den Türken Tocharistans im VII. Jahrhundert erwähnt Tabari einen Schad und einen Dschabguje (جبةويه): letzteres Wort ist augenscheinlich identisch mit unserem Yabgu.»³

Н. Поппе относил эту форму к свидетельствам джекающего наречия.⁴ Арабы дают такую форму не только для тохаристанских тюрок, но и для карлукских ханов.⁵

Любопытные свидетельства существования джекающего наречия на древней территории Казахстана запечатлены в рассказе Гардизи о карлуках. В этом рассказе фигурирует опять разбираемый термин ябгу. Приведем интересующие нас места.

«О халлухах (خالخ) рассказывают, что этот Халлух был одним из тюркских начальников. (Эти тюрки) переходили с места на место; мать Халлуха сидела на лошади. Место было пустынным; один из слуг Халлуха подошел к матери Халлуха, хотел овладеть ею и схватил ее, женщина прогнала его с угрозами; известно, что тюркские женщины очень нравственны. Увидя это, слуга испугался, убежал и пришел в страну тогузгузов (توغزغز), во владения хакана (خاقان). Один из людей хакана нашел его в месте охоты, в суровой местности, прикрытого двумя кусками войлока;

¹ Себеос. История императора Ираклия, пер. Патканова, СПб., 1862, стр. 74 и 76. Ср. Ed. Chavannes, ук. соч., стр. 255.

² Н. Марр. Грамматика древнеармянского языка, СПб., 1903, стр. 3. Формы *ճեպետի*, *ճեպետի* и *ճեբու*, цитированные выше в русском переводе, как Тчепетух, Джембух, или Джембу, в подлиннике начинаются с букв *ճ* и *բ*, которые Н. Я. Марр транскрибирует: в первом случае *†* произношением *ч* и во втором *†* с произношением 'дж'.

³ W. Barthold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. ATIM, Neue Folge, S. 16.

⁴ N. Poppe. Altaisch und Vortürkisch. Ungarische Jahrbücher, Bd. VI, H. 1/2, 1926, S. 102.

⁵ В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью 1893—1894 гг. Зап. АН, т. I, вып. 4, стр. 104, прим. второе.

он дал ему имя Ябагу. (يباغو). Потом он привел его к хакану; хакан, узнав о его приключении, собрал всех людей Халлуха, бывших в его владениях, и тотчас назначил этого Ябагу начальником над ними; тому племени он дал название Ябагу Халлух (يباغو خانغ).¹

К этому отрывку, вернее к упомянутому термину Ябагу, В. Бартольд делает примечание следующего содержания: «Титул карлукских ханов, у арабских географов Джабгуе (جبغويه), так же у Гардизи, см. ниже. Произношение слова „джабгуе“ указано у Сам'ани, л. 87. Тот же титул мы, очевидно, имеем в слове Ябгу орхонских надписей».²

В этой легенде титул, повидимому, производится от глагола япмак (покрывать).³

Действительно, в этом же отрывке мы читаем: «первым из халлухов сел на престол Илмалмасын Джабгуе ايلمالمسین جبغويه».⁴

Приведенные места из персидского автора XI в. исключительно интересны для поставленной нами темы. В самом деле, из племени карлук некто бежит к токуз-огузам (племенам йокающего диалекта) и получает титул Ябагу-Ябгу, который зафиксирован Гардизи совершенно точно, согласно диалекту токуз-огузов, в форме يباغو.

От этого карлукского беглеца происходит поколение (внутри токуз-огузов), которое получает (от тогуз-огузов) название — يباغو خانغ. В обоих случаях термин «ябагу», поскольку его происхождение связано с племенами йокающей группы языков, закономерно в персидской передаче начинается с ي. Когда же речь идет о непосредственно карлукских ханах, то последние в тексте Гардизи передаются в форме جبغويه, т. е. в той форме, в которой, как мы выше показывали, отмечают этот термин все авторы для западного каганата. Т. е. когда идет речь о термине, происхождение которого связано с джекающими говорами, то начальная фонема не ي, а ج. В. Бартольд полагал, как мы выше цитировали, что термин يباغو связывался «народной этимологией» с глаголом «япмак». Предположим, что здесь возможна такая этимологизация этого термина (в чем можно сильно сомневаться и считать указание в предании, что человек был найден под войлоком, натяжкой для объяснения его прозвища-титула), то все равно в древнетюркском языке мы имеем глагол япмак(?), например, в тексте Могиян Хана в форме 𐰽𐰺𐰍𐰏.⁵

¹ В. Бартольд. Отчет о поездке..., перс. текст, стр. 81; перевод, стр. 104.

² Thomsep. Inscriptions de l'Orkhon, Helsingfors, 1896, p. 146.

³ В. Бартольд, ук. соч., стр. 104.

⁴ В. Бартольд, ук. соч., стр. 105, перс. текст, стр. 82.

⁵ Текст Могиян Хана, Ха-П.

Однако нам кажется, что правоподобнее признать то, что 1) отличие титула беглеца, поскольку он фактически передает токуз-огузское происхождение, от титула карлукского хана (форма *جېغويه* и *بياغو*) и 2) социальное различие этих ябгу — обе эти причины привели в предании к измышлению события, дающего возможность этимологизировать первый термин.

Отрывок по Гардизи о карлуках ценен тем, что показывает фонетические различия в произношении одного социального термина, происходящего из двух разных наречий тюркских языков. Термин *بياغو* лишь подчеркивает выше выдвинутое положение об отличном строе языка западно-тюркского каганата и указывает не на случайное, а закономерное явление формы *جېغويه*.

Весь этот скромный запас аргументов в пользу сравнительно древнего происхождения джекающих форм тюркских языков, казалось бы, нарушала одна еще передача термина ябгу. Имеем в виду китайский язык. Термин ябгу обычно передавался в китайском языке, согласно переводам И. Бичурина и Ed. Chavannes, в форме Ше-ху (Che-hou). Характерно, что эта форма употреблялась одинаково для передачи термина «ябгу» и западных и восточных тюрков. Получалось нарушение намеченных нами утверждений. Правда, можно было бы предполагать, что народы, сталкивавшиеся с тюрками с запада, восприняли и запечатлели форму, впервые ими встреченную, т. е. джекающую (греки, арабы, армяне, персы), тогда как соседи тюрков с востока, китайцы, встретившись первоначально с йокающей формой, ее перенесли и на западный каганат, в котором, однако, была другая фонетическая форма. Зная, согласно вышеприведенным данным Гардизи, что различия учитывались в произношении, например, термина ябгу тогуз-огузами и карлуками, хотелось бы видеть подобные различия в передаче этого термина и китайцами.

Но факт остается фактом: тюркский термин ябгу передается по китайски 葉護, т. е. Che-hou в передаче Ed. Chavannes'a.

Однако эта транскрипция не передает произношение иероглифа Танского времени. Точную передачу этого термина можно восстановить по словарю В. Karlgren'a, который дает любопытные возможности произношения этого термина в древнюю эпоху, т. е. примерно в эпоху Тан.

Первый иероглиф 葉, согласно В. Karlgren'у, будет звучать по манд. наречию «ie'», в древности «iär», или даже «där».¹

¹ В. Karlgren. Analytic dictionary of Chinese and Sino-Japanese, Paris, 1923, p. 92.

Второй иероглиф 護 по манд. наречию произносится χи и в древности «γuo'», или «g'uo'», или «guo'». ¹

Таким образом мы имеем две основных древних формы титула ябгу в китайской передаче — либо jāp-γuo', или dār-g'uo — при одной графической передаче 葉護.

А отсюда следует, что так как в древности слово 葉護 могло звучать двояко и в обоих случаях совпадало с той или иной формой термина ябгу, то было лишним иметь разные транскрипции. Вот почему в сообщениях об ябгу и западного и восточного домов фигурирует один и тот же «Бичуринско-Шаванновский» загадочный термин «Шеху» — Che-hou, фактически jāp-γuo' или dār-g'uo.

Отсюда следует, что круг наших сведений о произношении термина ябгу в западно-тюркском каганате не нарушается китайской передачей, а подтверждается.

На основании рассмотренного материала можно пока сделать следующий вывод. На территории древнего Казахстана и Киргизии, среди племен, составлявших западно-тюркский каганат, был известен джекающий диалект тюркского языка. Эта языковая особенность по сравнению с восточными тюрками (в Монголии) отражает и известную этническую обособленность среднеазиатских тюрков от монгольских. ²

Западно-тюркский каганат включал тюркские племена и южного Казахстана, которые явились предками ряда среднеазиатских народов, в том числе и современных казахов. Так как последние обладают языками джекающего или, вернее, жекающего диалекта, то можно говорить, что слова, нами разобранные, являются древнейшими следами формирования некоторых среднеазиатских тюркских языков, например казахского.

Эти древнейшие элементы отмечаются письменными источниками с конца VI в. н. э.

Следует помнить, что древнетюркские племена с джекающим диалектом локализируются на территории главным образом Казахстана. Это заставляет нас ставить в известную связь, на основании языковых данных, племена VI—VIII вв. с этногенезисом казахов.

¹ В. Karlgren, ук. соч., стр. 66.

² Можно сделать возражения, что немногочисленные рунические надписи с территории р. Талас совпадают по языку с языком орхонских тюрков и не дают материала для подтверждения вышеприведенных суждений. На это только следует указать, что язык руники вообще будет, по всей вероятности, отражать йокающий диалект, так как это письмо и язык господствующего класса тех племен, где джекание не было известно. О надписях на камнях с долины р. Талас, см. С. М а л о в, Древне-тюркские надгробия с надписями бассейна р. Талас, АН, 1929.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

1 9 4 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ АВТОРЕФЕРАТЫ

А. Н. БЕРНШТАМ

АРАВАНСКИЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И ДАВАНЬСКАЯ (ФЕРГАНСКАЯ) СТОЛИЦА ЭРШИ

Во время работ Тяньшано-Алайской археологической экспедиции летом 1946 г. нам удалось осмотреть известные в литературе¹, но еще ни разу не изданные наскальные изображения у сел. Араван в 25 км к северо-западу от г. Ош Киргизской ССР. Две группы композиций расположены на юго-западной стене невысокой скалы, стоящей на правом берегу р. Араван, рядом с шоссе, идущим из г. Ош в г. Фергану. Время испортило изображения, но не настолько, чтобы не разобраться в основном сюжете. В исследовании этих изображений мы особенно обязаны сотруднику экспедиции С. С. Сорокину, добравшемуся до них и сделавшему прекрасные графические и акварельные зарисовки.

Верхний рисунок расположен на высоте, примерно 15—16 м от подошвы скалы на камне размером 2 × 2 м (рис. 1). Он состоит из изображения двух лошадей, исполненных твердым (металлическим?) инструментом; им мастер выбивал патины скалы мелкими точками (т. е. частыми ударами), соединением которых образовало плоскость изображения. Этот рисунок, как ясно стало из обследования на месте, более поздний, чем первоначально прорисованная композиция на той же площадке — изображение людей и горных козлов. Метрах в трех ниже снова повторено на плите 1,30 × 0,70 м в меньших масштабах изображение двух лошадей, выполненных в той же технике, что и предыдущая пара. Стилистические особенности изображений столь отличны от обычных наскальных изображений Тяньшана и окружающих районов и в то же время столь типичны для определенного круга изображений за пределами указанной территории, что не смогли не привлечь нас к специальному рассмотрению этих композиций, выполненных явно незаурядным мастером.

Более древняя группа изображений находится на верхней плоскости. Здесь изображены три архары (h — 16—17 см), идущие влево, под ними — две человеческие фигуры (h — 17—19 см). У левой фигуры руки расставлены в стороны от туловища, у рядом стоящей правая рука поднята вверх, левая уперта в бок. Рядом с ними у ног — неизвестные крупные предметы и слева прямоугольное очертание какого-то предмета. Ниже в левом крае — фигура человека, изображенного в профиль, голова обращена направо. Его левая рука поднята и упирается в лоб, правая — в бедро; у его ног изображение собаки, перед ним четыре кружка (?). Далее следует изображение козла (оленя?) с запрокинутыми назад рогами, трактованными в типично скифском стиле²; перед козлом (оленем?) опять изображение собаки. Заключают композицию три человеческие фигуры, одна под другой. Верхняя (в профиль?) стоит с расставленными в стороны руками. Фигура заключена в изображение в виде ворот, на левой стороне которых имеется как бы изображение сосуда. Две нижние фигуры стоят в одинаковых позах: левая рука поднята вверх и прикинута к голове, правая упирается в бедро.

Техника нанесения рисунка (точечная) и стилистические особенности: слабый контур тела животного — схематизированный, но без окончательной утраты реалистической основы, трактовка рогов козла (оленя) — дают все основания связывать его

¹ Протоколы ТКЛА за 1898 г.; М. Массон, Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина, Краткие сообщения ИИМК, VI, Л., 1940.

² На такую трактовку уже обращал внимание М. Массон. (См. Краткие сообщения ИИМК, VI, стр. 53).

с сакским кругом памятников этого района, прежде всего с изображением козлов на скифского типа котле, найденном в 1940 г. на строительстве Большого Ферганского канала³. Аналогичные изображения имеются и в ущелье Чимташ в Таласской долине, где они были нами осмотрены в 1938 г.; они также датируются находкой скифского типа котла, ныне хранящегося в Эрмитаже. Скифское время этой композиции, в свете приведенных данных, для нас несомненно. Сложнее обстоит дело с семантикой изображения. Сцена, несомненно, культовая. Люди исполняют какой-то культовый танец. Они не вооружены, это не сцены охоты, известные нам по изображениям, например с Кугарга на Ферганском хребте, в свое время зарисованным

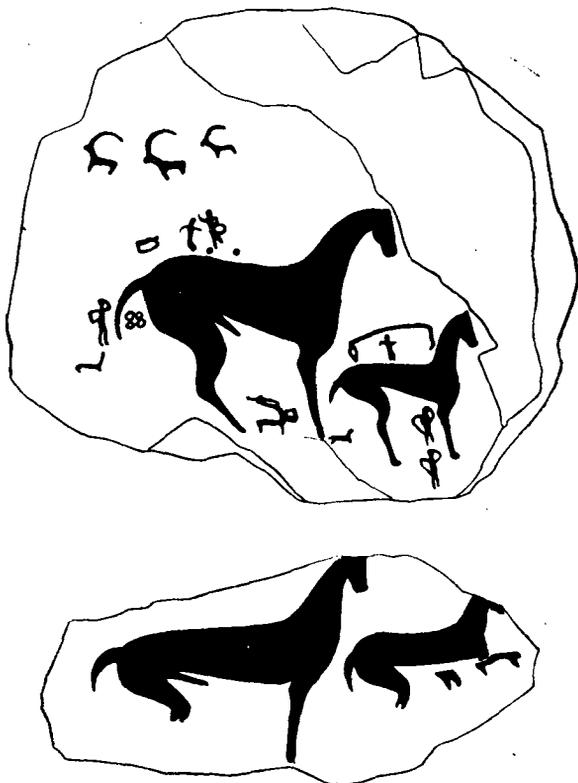

Рис. 1. Изображение древних ферганских коней на скале у селения Араван

Н. Хлудовым и И. Пославским⁴, ныне изученным Б. М. Зимма⁵. Животные, здесь изображенные,— не предмет охоты, а символы благополучия, скорее всего эмблемы солярного культа. Это участники ритуала, к которым, быть может, обращены эти культовые танцы. Так надо понимать роль козлов в наскальных изображениях Тяньшаня и прилегающих районов как культово-магических посредников человека с солнцем. Подобно тому как в этой функции изображение оленя и лося выступает на севере и северо-востоке Азии, в центральноазиатском круге тотемов, от Монголии до Средней Азии, ведущее значение имеет изображение козла и архара. Это не столько тотемный, сколько солярно-космический образ, особенно четко вскрываемый в одном из изображений в Саймалы-таш, где козлы шествуют среди изображений солнечных дисков. Очевидно, что на Араванской скале и были изображены эти культовые сцены, связанные с почитанием солнца. Вспомним, что, по свидетельству Геродота, кочевники Средней Азии массагеты «чтут только солнце, которому приносят

³ М. Массон, Указ. раб.—Изображение опубликовано М. Массоном в газ. «Пионер Востока», № 91, 1939.

⁴ Н. Г. Хлудов. Перевал «Саймалы тас», на котором найдены камни с надписями. Протоколы ТКЛА, VII, Ташкент, 1902, стр. 40—43; И. Пославский, По поводу заметки Н. Г. Хлудова,— см. там же, стр. 44—48; см. его же, Из поездки на Саймалы-Таш, Протоколы ТКЛА, VIII, Ташкент, 1903, стр. 75—83.

⁵ Материалы, собранные Б. Зимма во время поездки на перевалы Ферганского хребта летом 1946 г. С фотографиями меня ознакомил Б. Зимма, которому я приношу свою глубокую благодарность за эту любезность.

в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстреему из всех богов подобает «быстрее животное»⁶. Если для степняков «наибыстреем» считается лошадь, то «всякому бывавшему в горах не приходится доказывать то положение, что «наибыстреешими» и недоступными в горных условиях являются козлы и больше всего архары, изображаемые повсеместно, в том числе и на Араванской скале.

Совершенно в иной технике и манере исполнены здесь и нижеупомянутые две пары лошадей. Композиции повторяют друг друга. Жеребец помещен слева и почти вполнину больше стоящего впереди него изображения кобылицы. Размеры верхнего и нижнего изображений почти одинаковы. Жеребец верхней композиции имеет $1,10 \times 1,05$ м, кобылица $0,52 \times 0,61$ м. На нижней плите размеры жеребца $1 \times 0,70$ м и кобылицы $0,50 \times 0,50$ м. Изображение лошадей крайне типично и стилистически весьма индивидуально. Маленькая сухая голова посажена на плавно изогнутой «лебединой» шее. Тело поджарое, ноги сухие, нервные, утончающиеся книзу. Круп сильный, все тело напряженное, что подчеркивается слегка приподнятым и отставленным от крупа хвостом. Напряженность, явно выступающая во всем экстерьере, связана не только с предкоитусным состоянием пары, это чувствуется и в изображении кобылицы, нарисованной в более спокойном состоянии. Это общая характеристика лошади, а не только ее состояния в определенный момент. Подтверждается настоящее заключение аналогиями. Характерные черты экстерьера мы можем найти в ряде иконографических материалов Центральной Азии от Шандуна до Хорезма; как например, в изображении лошадей на нонн-улинских тканях⁷ и в шандунских барельефах II—I вв. до н. э., прекрасно изданных и описанных Э. Шаванном⁸, в изображении лошадей на деревянных дощечках из Хотана VI—VIII вв. в издании Стайна⁹, в изображении лошади на шите с горы Муг, также VII—VIII вв.¹⁰, в хорезмийских всадниках¹¹ на монетах вплоть до VIII в. Этот тип лошади мы бы связали с кушанским кругом, отличным от лошадей Монголии и Переднего Востока. Напомню, как отличаются от него изображения лошадей, например на стелле Тайцзуна VII в. н. э.¹² или скульптура лошадей в многочисленных китайских статуэтках всадников Танского времени¹³. Отличны изображения переднеазиатских лошадей с хеттами, проникшие в Малую Азию¹⁴ и получившие затем широкое распространение в Европе. Быть может, только в ранних изображениях лошадей античного искусства проскальзывают экстерьеры, сходные с нашими изображениями¹⁵, но ко времени последних, т. е. всего вероятнее к III—II вв. до н. э., на Переднем Востоке, не говоря уже о Европе, преобладает иная порода, более тяжелая. Разбираемые изображения фиксируют нам, очевидно, местную породу лошадей — ферганскую, которая высоко ценилась на Востоке и прежде всего в Китае, но это была далеко не единственная порода лошадей, распространенная в этих областях¹⁶. Впрочем, этот вопрос выходит за пределы наших интересов в данной статье и может составить самостоятельный сюжет исследования.

⁶ Геродот, История, I, 215.

⁷ К. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, табл. 39—40.

⁸ Ed. Chavannes, Mission archéologique dans la Chine Septentrionale, Paris, 1909, ч. I, см. табл. XIX, ср. также XXIV, XLI, XLIV и др.

⁹ A. Stein, Ancient Chotan, т. II.

¹⁰ А. Якубовский, Культура и искусство Средней Азии, Л., 1940, стр. 25, см. рис. на стр. 27.

¹¹ С. Толстов, Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, ВДИ, 4/5, 1938; ср. Краткие сообщения ИИМК, I.

¹² См., например, в сводке: Oswald Siren, La Sculpture de l'époque Han à l'époque Ming, Paris — Bruxelles, 1930, табл. 93.

¹³ См. Oswald Siren, Chinese Sculpture from the fifth to the fourteenth Century, London, 1925.

¹⁴ Ср. гипотезу W. Leonardt'a, Hettiter und Amazonen, Leipzig, 1911.— О ней в статье А. Захарова, Хеттский вопрос, «Новый Восток», № 1, стр. 251.

¹⁵ См. последнюю доступную нам монографию: S. D. Markman, The Horse in Greek Art, The Johns Hopkins University Studies in Archaeology, № 35, Baltimore, 1943; ср., например, рис. 25, 32 и другие.

¹⁶ Укажу на одну из последних известных нам статей по этому вопросу W. Eberhard: «Çin kaynaklarına göre Orta Asyadaki at einseri ve beygir yetistirme hakkında malûmat. Ülki, Bir Tesrin, 1940 İki Tesrin, 1940 («Сведения китайских источников относительно вида лошадей и выращивания их в Средней Азии»). Об этом авторе см. нашу рецензию в журн. «Вопросы истории», № 7, 1946. Явно вторым центром разведения аналогичных даваньским породам лошадей был район Тохаристана и сопредельных областей Гудо (Хуттал), Гэшими (Кашмир), Шини (Чаганиан). Сюань Цзан отмечает область Тяньма в Шумане (ср. Ed. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux, СПб., 1903, стр. 196 и 276). Однако, в свете китайских источников, эти центры более поздние (VI—VIII вв.), чем даваньский, что может свидетельствовать о распространении ферганской породы лошадей и ее разведении в других районах. Быть может, это связано с распространением в этих районах тюрок.

Сцены с изображением лошадей, так же как и предшествующий по времени сюжет на верхней плите, явно культового содержания. Этот сюжет посвящен идее размножения лошадей, одним из центров которого являлся, вероятно, окружающий район. Фергана в целом являлась местом разведения этой высокоценной породы, и первые сведения о них нам сообщают китайцы. Сообщения эти широко известны, и нам остается их только напомнить. Китайцы отмечают, по сообщению Чжан Цянья,

что в Давани: «Много шаньма — добрых лошадей» (善馬). Они имеют кровавый

пот и происходят от породы тяньма — «небесных лошадей» (天馬)¹⁷. В другом ме-

сте подчеркивается, что даваньцы разводят траву му-су (目宿), которую любят ло-

шадьи Давани¹⁸. Траву му-су — это люцерна, которая была вывезена, как и виноград, в Китай¹⁹. Ханьшу не приводит новых деталей и лишь редактирует версию Ши-цзи²⁰. Важно отметить, что комментатор Цяньханьшу, по имени Мэнцзюй, приводит любопытную легенду в качестве комментария. Текст следующий: «Во владении Таюань имеются высокие горы (гао-шань). На этих горах имеются лошади, которых невоз-

можно поймать. Выбирают пятишерстных (у-сэ 五色 'т. е. пестрых) кобылиц

и пускают их к подошве гор для случки с (горными). От этих кобылиц рождаются жеребята с кровавым потом. Поэтому (их) называют потомством небесных лоша-

дей (天馬子)²¹.

Приведенный комментарий Мэнцзюй'я исключительно интересен в свете изображений на Араванской скале. Совершенно очевидно, что место для нанесения культового рисунка, воспроизводящего идею размножения лошадей ферганской породы, выбрано не случайно. Рисунок нанесен на скалу, издана обожествляемую и носящую символы горных владык — архаров и теке. Здесь оказались тесно переплетены: солярный культ, восходящий к сакскому периоду, с культово-магическим рисунком более поздней, очевидно раннекушанской поры Давани. Известно, как тесно переплетен солярный культ, культ солнца — силы, определяющей всю жизнь человека и его окружения, с культово-магической ролью изображения солнца и его символами. Этот культ был знаком и художникам, нарисовавшим эти две пары лошадей, несомненно сопрягавшим сюжет своего рисунка с бытующим в его среде почитанием горных владык — архаров, resp. — важнейших компонентов солярного культа.

Характерно, что эта преемственность сохранилась и в мусульманский период. Изображения, которые мы анализировали, были почитаемы и мусульманами. Родник, вытекавший у подножья скалы, также почитался окружающим населением. Здесь был выстроен мавзолей, ныне разобранный до основания. У подножья скалы мы обнаружили фрагменты керамики от эпохи Давани до XIX в., а все кусты и поныне увешаны лоскутками материи. О почитании мусульманами этого урочища отмечалось в литературе. «В селении Араване, в 25 верстах от гор. Оша, есть скала, на которой нарисована лошадь с жеребенком, под скалой ключ и мазарька Дульдуйлата. По легенде, в этом месте Алий привязывал свою лошадь, когда отправлялся на битву

¹⁷ Ши-цзи, 123, л. 3-а.

¹⁸ Ши-цзи, 123, л. 14-а.

¹⁹ В. Lauffer, Sino Iranica, Chicago, 1919, стр. 208 и сл. — В. Lauffer возводит му-су к древнеарав. buso, сарыкольскому wux — трава. Hirth связывает ее с тюркским buřak. Lauffer считает возможным связывать ее с тюркским термином, обозначающим сено из люцерны, bida, bedä, но последнее возводит (вслед за Томашеком) к персидскому beda.

²⁰ Цяньханьшу, гл. 96-а, л. 17-б.

²¹ Цяньханьшу, гл. 96-а, л. 17-б — 18-а. Ср. кит. текст «Мэнцзюй юе: янь Таюань го ю гаошань, ци шан ю ю ма бу кэдэ, иньцзюй усэ мума чжи ци ся, юй цзи шэн цзюй цзе хань сюэ инь, хаюке тяньма цзы юнь». Сходная легенда приведена в Суйских анналах в отношении лошадей Тохаристана и повторена в Цзю Таничу: «На севере есть гора Поли. На южной (стороне) пещера, внутри (которой) имеется божественный конь (шэньма). Жители пригоняют на пастбище (к горе) кобылиц, от которых рождаются жеребята, потеющие кровью» (Бэй ю Поли шань. Ци ян сюэ, чжун ю шэн ма. Гожэнь ю мупинь, юй цзэ шэн цзюй чже ханьсюэ), Цзю Таншу, гл. 210-б, л. 5-б.

Урашт В. Минорский³². Китайская транскрипция Эрши, несомненно, вариант одного и того же названия — Урашт. С нашей точки зрения, он может быть локализован только в определенном месте, т. е. отождествлен с Мархаматскими развалинами на реке Араван, над которой и стоит скала с уломянутыми изображениями. Другого города, явно весьма крупного (как следует из описаний китайских источников), на пути между Кувой и Ошем нет, так же как нет такого города на перегоне Ош —

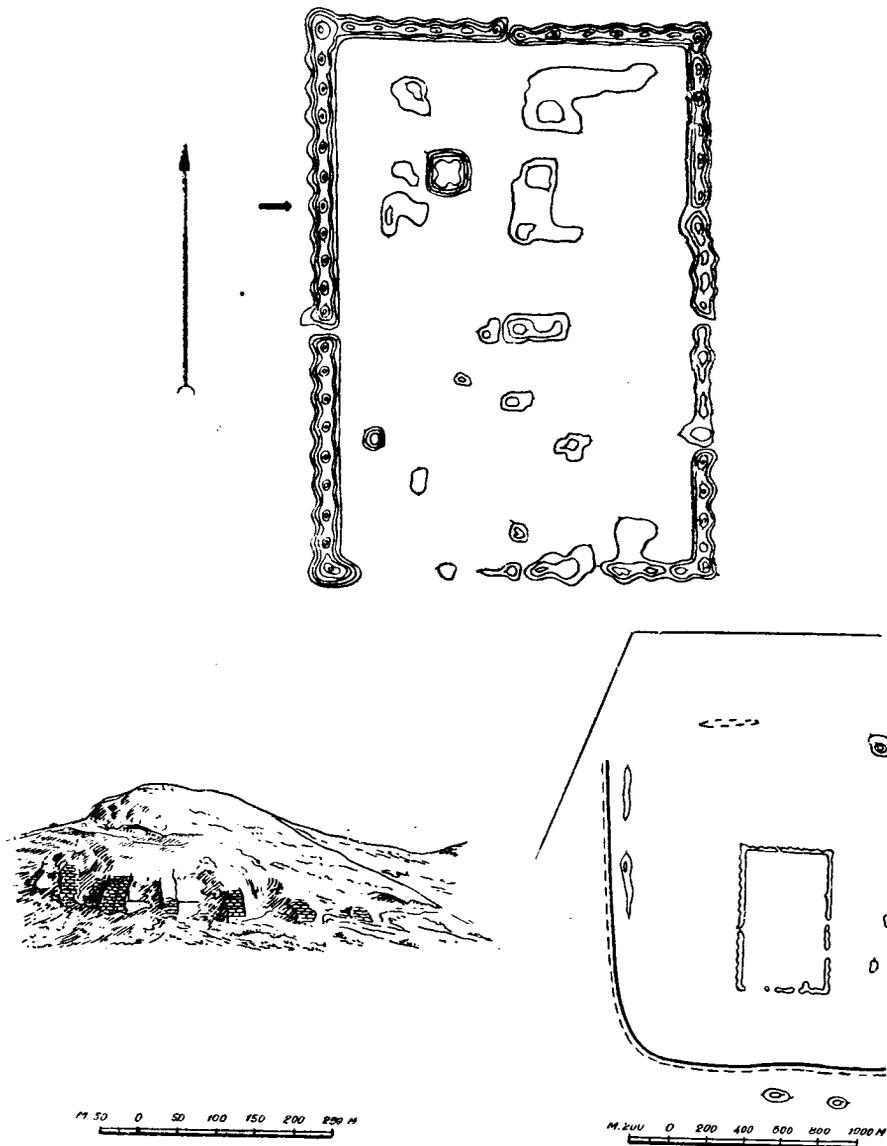

Рис. 2. Мархаматское городище Эрши (Урешт)

Куршаб. Крепость Кургажин-тепе, стоящая между Ошем и Куршабом и обследованная нами в 1946 г., значительно меньше Мархаматских руин и центром древней Давани быть не может.

Мархаматские развалины величественны. Они занимают большую площадь, имеют несколько рядов стен, окружены различного времени тепе, в том числе и древними и кушанскими. В зоне Араванской долины курганы — сако-усуньского времени (например, Тулейкинская группа по дороге Араван — Ош), а западнее Мархамата известен Кувинский могильник даванско-кушанского времени. Сакские комплексы из этого района обнаружены во время археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Само Мархаматское городище сохранило те

³² Hudud al-Alamī, стр. 115.

основные конструктивные черты, которые позволяют видеть в нем упомянутые китайским источником «внешнюю стену» и «внутренний город», и расположено оно на берегу реки, которая этот город питала, чего нельзя сказать ни об одном из городищ, в частности, о Кургашии-тепе на пути из Оша в Куршаб. Характерно, что город Ю, который мы уже в другом месте отождествили с Узгеном³³, находится на востоке Давани, на ее границе.

Таким образом, мы приходим к выводу: развалины у с. Мархамат, на берегу р. Араван являются развалинами древнего города Эрши, средневекового Урешта, центра Ферганы в даваньско-кушанский период. Тем самым отпадает совершенно произвольное в литературе отождествление Эрши с Кокандом³⁴.

Но Эрши не только политический центр древней Ферганы. Это центр разведения «добрых лошадей» — «шаньма», «драгоценных лошадей» — «баома»³⁵, и как бы свидетельством этому являются наскальные изображения Айрымачтау у с. Араван, документирующие указания китайских источников об экономическом значении Эрши.

³³ Археологические контуры Тяньшаня и Алая, Известия Кирг. филиала АН, II—III, Фрунзе, 1946.

³⁴ Отождествление, предложенное И. Бичуриным. Позднее Эрши отождествляли с Кирополем и приурочивали к Ура Тюбе, город «Ю» — с «Антиохией в Скифии». — См. по этому поводу К. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 12.

³⁵ Мы сознательно не употребляем принятый в литературе термин «аргамак» (Бичурин, Массон), так как китайцам позднее этот термин был известен и они его транскрибировали а-лу-гу-ма. — См. уйгурско-китайский словарь в труде J. Klapproth, Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren.